

Петр Александров

Дело Нотовича

Петр Акимович Александров
Дело Нотовича
Серия «Судебные речи»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2778535

Аннотация

«В 1888 году в газете «Новости» была напечатана статья «О чем говорить». Вслед за ней появилась еще серия статей, в которых вскрывались злоупотребления в деятельности Петербургско-Тульского банка. В этих статьях деятельность банка сравнивалась с деятельностью Симбирско-Саратовского банка, дело о котором в свое время рассматривалось в уголовном порядке и главные «деятели» которого оказались на скамье подсудимых...»

Петр Акимович Александров Дело Нотовича

В 1888 году в газете «Новости» была напечатана статья «О чем говорить». Вслед за ней появилась еще серия статей, в которых вскрывались злоупотребления в деятельности Петербургско-Тульского банка. В этих статьях деятельность банка сравнивалась с деятельностью Симбирско-Саратовского банка, дело о котором в свое время рассматривалось в уголовном порядке и главные «деятели» которого оказались на скамье подсудимых.

Членами правления Петербургско-Тульского банка была подана жалоба прокурору С.-Петербургской судебной палаты, в которой предъявлялось к редактору газеты «Новости» Нотовичу обвинение в публичном оскорблении и клевете.

Окружной суд, рассмотрев жалобу, признал Нотовича виновным в инкриминируемых ему преступлениях и осудил его на четыре месяца тюремного заключения и к напечатанию за его счет в 30 газетах судебного приговора.

Приговор был обжалован защитой. При пересмотре приговора он был отменен С.-Петербургской судебной палатой, которая Нотовича оправдала. Приговор вновь был обжалован в Уголовно-кассационный Департамент Сената, который

его отменил и направил дело на новое рассмотрение.

Вторично дело слушалось 10 февраля 1893 г. Защищал Нотовича П. А. Александров. Нотовичу вновь был вынесен оправдательный приговор. Речь П. А. Александрова, заслужившая очень высокую оценку его современников и названная его «лебединой песнью», полностью воспроизводится в Сборнике.

* * *

Господа судьи! На страницах Уложения с наказаниях мирно покоится статья закона, редко тревожимая, редко вспоминаемая, ждущая того желанного луча рассвета, когда наступит и для нее естественный час бесшумного погребения. А казалось при ее рождении, еще не особенно отдаленном, что ей предназначена деятельная будущность. Вооруженная мечом, довольно-таки солидного вида, в форме пятисотрублевого штрафа и шестнадцатимесячного тюремного заключения, она призвана была стать на страже между порывами к обличению существующего зла и оскорбляемостью поносителей всякой чести, умиротворять и уравнивать эти два враждующие по своей природе элемента. Я разумею закон о диффамации. Он прост и ясен, тверд и решителен!

Не оглашай в печати, заповедует он, ни о частном, ни о должностном лице, ни об обществе, ни об установлении, никакого такого обстоятельства, которое могло бы повредить

их чести, достоинству или доброму имени.

Не все отнималось у печатного станка в его погоне за текущими явлениями современной жизни. Прежде всего и сам закон допускал исключение. Наказание устраняется, если подсудимый посредством письменных доказательств докажет справедливость позорящего обстоятельства, касающегося судебной или общественной деятельности лица, занимающего должность по определению от правительства или по выборам. Правда, конечно, и то, что лица, занимающие должности по определению от правительства или по выборам, если совершают деяния, не соответствующие чести и достоинству, то, в большинстве случаев, не чувствуют склонности верить следы этих деяний письмам, а тем более – выпускать такие письма в свободное обращение.

Остается затем розовая область отрадных явлений. Оглашение таких явлений не возбранено; в этой области печать свободна. Хвали – что можно; одобряй – где нужно, славословь – где выгодно, ликуй – когда это предоставлено.

Никто не оспаривал обязательной силы закона о диффамации, никто не дерзнул возбуждать к нему неуважение, и тем не менее, случилось так что жизнь пошла помимо закона. Справедливые общественные требования и необходимость заставили смягчить его безусловные требования, и в этом уклонении жизни от закона оказываются виновными не одно только обывательское самовольство и писательская продерзость; к уклонному направлению приобщили себя и

властная рука администратора, и подзаконный взгляд судьи. Справедливые, честные, благонамеренные обличения звучащего зла более и более становились полезными и необходимыми для общественной дезинфекции. Правительству не раз пришлось с выгодой воспользоваться в общественных интересах разоблачениями в печати. Суд силой вещей и требованиями времени побужден был входить в оценку цели обличения, цели, которая, по буквальному смыслу закона, не должна была бы иметь значения для кары. И в конце концов закон о диффамации, в его практическом приложении, остался вполне целесообразным лишь в сфере обличения частной жизни, не имеющей общественного интереса. Общественные и правительственные установления, должностные лица сами увидели, что закон этот недостаточен для реабилитации их оскорбленной чести, остающейся под сомнением и после обвинительного приговора над диффаматорами. Процессы о диффамации стали редки, бесцветны и мало внушительны.

Праздную скамью обвиняемых в диффамации заняли обвиняемые в клевете. Картина выиграла в своей грандиозности и, скажу, в симпатичности. Обвинитель являлся уже не с намордником, готовый набросить его на уста обвиняемого, как только они раскрывались для доказательства справедливости напечатанного. Рыцарски честное преследовалось в этой борьбе равным оружием и с уравновешенными условиями. Оскорбленный отдает себя публичному изобличению,

он требует доказательств, оставляя за собой право опровергать их. Но вид иногда прекрасен только сверху. Уравновешенность условий борьбы в процессах о клевете не легко достижима. Обвинители не расположены делиться теми сведениями, которые находятся в их распоряжении и в их архивах. Так было и по настоящему делу. Наглядным доказательством разверстки акций между подставными акционерами могла бы послужить квитанция банка, по которой заложены там акции Масловского препровождены временно для общего собрания в правление Тульского банка. Обвгняемый просил об истребовании такой квитанции, относящейся к общему собранию 1881 года; ему в этом было отказано. Нотович просил об истребовании от правления банка производств по содержанию, ремонту и продаже указанных им домов, оставшихся за банком, в подтверждение неправильностей отчетов. Масловский оспаривал право Нотовича на подобное ходатайство, и в ходатайстве было отказано. В своем возражении Масловский заявляет:

«В качестве частного обвинителя я оставляю за собой право представлять только те доказательства и письменные документы, которые я лично признаю необходимыми в интересах разъяснения настоящего дела» (заявление Масловского судебному следователю).

Вот вам и равенство борьбы, и уравновешенность условий. Немудрено, что при таком равенстве у обвиняемого, если не совершенно отнимается язык, как в, процессе о дифф-

фамации, то связывается настолько, что о равенстве оружия не может быть и речи. А, казалось бы, чего же правителю Тульского банка уклоняться от возможно широкого расследования дела и, следовательно, возможно убедительнейшего восстановления их оскорбленной чести?

Но недостаточно одного процессуального уравнивания сил и средств борющихся на суде сторон. Требование этого разъяснения, требование справедливого взвешивания и определения условий и взаимных отношений автора произведения, считающего себя оскорбленным, идет дальше, идет до самого объема законного понятия о клевете. Оскорбленный оглашением в печати позорящего его деяния, конечно, всегда и безусловно вправе требовать от оскорбителя истинности и доказанности напечатанного, но мера этих требований не может не подлежать известным смягчениям в ограничениях, — и не только в видах точнейшего определения степени и меры виновности, но и для разрешения вопроса — существует ли действительно виновность, удовлетворяет ли вина самому понятию о клевете.

В делах о преступлениях в печати, не в пример делам о других общих преступлениях, судья не может замыкаться исключительно в сферу уголовного кодекса; он, в силу необходимости и высшей справедливости, должен быть политиком, как орган общественный, отправляющий свои функции в соображении условий и потребностей общественной жизни. Не нужно долго жить, чтобы видеть, как в непродолжи-

тельные периоды изменяются взгляды самой администрации на дозволенное и не дозволенное в печати, как изменяются в этом отношении воззрения общества, как видоизменяется применение закона, хотя он сам и остается тем же, не имея возможности поспевать за всеми этими изменениями.

В делах о клевете выступают, в виде сторон, два интереса, оба требующие своего охранения: интерес общественный – обличения существующего зла, оглашения затаившихся отрицательных явлений жизни, их обнаружения и интерес личной оскорбительности, – ограждения и восстановления чести, если только это не есть интерес ограждения от беспокойства и препятствования нашему праву, любящему простор и неприкосновенность. Характер и сила этих интересов в каждом случае требуют особого взвешивания и не подчиняются одной предустановленной мере.

Если обличение зла, обнаружение явлений противозаконных или просто вредных для общественности имеет право быть отражено в печати, если оно является одним из необходимейших и наиболее сильно действующих средств общественной дезинфекции, то ему должен быть дан соответственный простор, должны быть приняты в расчет и неизбежность ошибок, и некоторая неполнота доказательства истинности напечатанного оглашения. Так и понимает это наша, еще молодая в делах печати, судебная практика. Перед вами приговор высшего суда по делу о Куликове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.